

Независимая газета. - 2000. - 11 февр. - с. 7

К 125-летию Василия Качалова

ПЕРВЫЙ В СПЕКТАКЛЕ

Борис Любимов

С НАЧАЛА — о двух датах. День рождения Василия Качалова — 30 января 1875 года по старому стилю, и, стало быть, с учетом того, что в XIX веке старый стиль от нового отставал на 12 дней, его 125-летие приходится на 11 февраля 2000 года. Но дело в том, что 30 января по церковному календарю празднуется память трех святителей, один из которых — Василий Великий — был небесным покровителем сына вильнюсского протоиерея отца Иоанна Шверубовича.

В брошюре священника Льва Савицкого «Православное кладбище гор. Вильно» (Вильно, 1938) опубликован список священнослужителей, погребенных на православном кладбище города Вильно, и в нем под № 50 значится Шверубович Иоанн — протоиерей, дата смерти 1910 год. А для характеристики интересов еще одного брата Качалова — Анастасия сошлюсь на изданную в Вильно в 1885 году книгу: «Братья Кукольников. Очерк из жизни. Составил А.И. Шверубович». Так вот, день рождения Василия Качалова с незапамятных времен и после его смерти, вплоть до кончины Вади-

Бертрану с крепким рукопожатием. Александр Блок, июнь 1916» и его же: «Многоуважаемому и дорожному Василию Ивановичу Качалову от искренне преданного автора»; из длинной надписи Леонида Андреева на экземпляре его пьесы «Анатэма» приведу начало: «Посылаю Вам, Василий Иванович, эту книгу, как дань бесконечного восторга моего...» На экземпляре стоит дата — 16 октября 1909 года, премьера «Анатэмы» состоялась 2 октября; вплоть до пастернаковской надписи, сделанной на тетрадке «Стихов из романа» за четыре месяца до кончины Качалова: «Дорогому Василию Ивановичу Качалову, захва- тывающее искусство которого бла- годетельно воспитало меня и вели- кое имя которого будет всегда зна- чить для меня так бесконечно много, — с пожеланием скорейшего и полно- го выздоровления. Б. Пастернак. 28 апреля 1948 года, Москва...» И еще десятки, включая автографы Горь- кого, Алексея Толстого, Сергея Соловьева, Юргиса Балтрушайтиса, Самуила Маршак, филологов, театроведов.

Качалову повезло с критикой. Уже ввод на роль Тузенбаха — лю- бимую роль Качалова — после Мейерхольда был оценен в пользу Качалова. В 1916 году, когда Кача- лов только разменял пятый деся- ток, выходит сборник «Критика о

привести недавно опубликованное письмо Станиславского Качалову: «Вчера на премьере, в присутствии Рыкова, властей, критики и друзей театра, в момент первого показа нашей восьмимесячной работы, в то время когда театр из последних сил старается завоевать себе прежнее положение и право на существова- ние в новой России, перед новой суро- вой публикой, — вы были пьяны».

И даже «Николай I и декабри- сты» (1926) и «Пугачевщина» (1925) в известном смысле были сдачей позиции по сравнению с 1915-м или 1916 годом. Я глубоко убеж- ден, что лабораторные искания Станиславского 30-х годов, поми- мо многих других причин, в каче- стве одной из психологических по- доплек имеют его нежелание ста- вить советские пьесы — последний раз его имя в этом контексте по- явилось на афише леоновского «Унтиловска» в 1928 году, за 10 лет до кончины, но это особая тема.

Не стоит возмущаться родона- чальниками и первыми жертвами «советского коллаборационизма» 20–30-х годов; стоит задуматься над тем, с какими муками, посте- пенно и достойнее других прожи- ли они последние годы жизни, до- стойнее не только своих соотече- ственников, но и, скажем, Гер- хардта Гауптмана или Кнута Гам- суна... С другой стороны, не будем

Снятие с роли Вершинина («Три сестры») после генеральной репе- титии знаменитого спектакля 40- го года (в объяснительном письме Немирович-Данченко пишет Качалову, что «из всех «стариков» у меня к Вам в душе самое лучшее ме- сто», — но никакое письмо не за- менит артисту роль).

Вот перечень ролей, не сыгран- ных Качаловым (репетировавших- ся им или предполагаемых). Спи- сок этот стоит начать ролью Хлеса- такова — эта идея возникла у Анто- на Чехова еще в 1902 году, а далее: Тартюф, Кречинский, Каранды- шев, Яго, Бульчев, Дон Кихот, Фамусов, Антоний, Фердинанд. Чичиков, Шерлок Холмс... До- бавьте хоть часть этих ролей к уже сыгранному и в особенности та- кие, как Хлестаков и Чичиков, Тартюф и Карандышев — Качало- ву всегда мечталось выйти за рам- ки ампулы или положения в труп- пе, выйти, по терминологии Павла Маркова, из освоенной им обла- сти комедийного в неизведанную сферу комического (лишь один раз и, видимо, неудачно он прикос- нулся к ней, сыграв Репетилова), словом, как и всегда у великих — несвершенное едва ли не превы- шает созданное.

Еще одна драма качаловской жизни, схожая с драмами всех Первых артистов... Уже в 1909 го-

Василий Иванович Качалов на крыше своего дома в Брюсовом переулке. Снимок сделан Владимиром Вальтером незадолго до смерти актера. Публикуется впервые.

ма Шверубовича в 1981 году, все- гда праздновали вместе с днем его ангела, т.е. 12 февраля. В одном письме Качалов писал: «Мой Васи- лий — не 1-го, а 30-го января по старому стилю, т.е. по новому бу- дет только 12-го февраля».

Но, помимо одной юбилейной даты, есть еще и другая. 27 февра- ля 1900 года (по старому стилю) 25-летний ведущий актер Казан- ского театра, за пять лет до этого взявший псевдоним «Качалов», приехал в Москву для переговоров с руководителями второй сезон су- ществующего Художественного театра...

Качалова называли счастливи- цем, баловнем. Если составить ча- стотный словарь лексик писав- ших о нем статьи и мемуары, то са- мым частым словом оказалось бы «обаяние». Это слово из словаря театральных критиков и рецензен- тов перешло и в словарь Стани- славского: «Вы счастливец! Вам дан природой высший артистический дар. Теперь, под старость, углубля- ясь думами и чувством в наше иску- стство, я прихожу к убеждению, что высший дар природы для артиста — сценическое обаяние, которое Вам отпущено сверх меры». Стоит при- вести и еще два автографа Кон- стантина Сергеевича — один на первом томе собрания сочинений Шекспира: «Мудрому и искренне любимому Василию Ивановичу Качалову. — На добрую память об мно- гих хороших минутах работы над Гамлетом, от искреннего почита- теля Вашего, не любимого Вами та- ланта. К.С. Алексеев (Станислав- ский) 1913 г. Февраля 14» и на пер- вом издании «Моей жизни в иску- стстве»: «Дорогому другу Василию Ивановичу Качалову на память об многолетней и интересной арти- стической жизни, прожитой вместе. В знак любви и сердечной преданно- сти. Спасибо за помощь и сотрудни- чество. К. Станиславский (Алексе- ев) 1927 -5-10 — Москва». Немиро- вич-Данченко на экземпляре вос- поминаний «Из прошлого» напи- сал короче, но не менее вырази- тельно: «Василию Ивановичу Кача- лову с чувствами, граничащими с влюбленностью. Автор. 1937».

Раз уж речь зашла об автогра- фах, то приведу наиболее значи- тельные из писательских: «Дорого- му Василию Ивановичу Качалову на добрую память от глубоко уважаю- щего, любящего и признательного автора. Антон Чехов, 26 февраля 1904 г. Ялта» — на первом томе марксовского собрания сочине- ний; «Василию Ивановичу Качало- ву от его старого поклонника Ив. Бун- на» — на сборнике рассказов и стихов «Иоанн Рыдалец», 1913; «Доро- гому Василию Ивановичу Качалову —

Качалове» (1900–1915), представ- ляющий собой статьи и выдержки из статей лучших театральных критиков начала века, — случай беспрецедентный до и после Кача- лова. В 1919 году выходит моно- графия лучшего театрального кри- тика того времени Николая Эфрос- а (к слову сказать, в качаловском доме висел портрет Эфроса работы Юона — вы часто видели портреты критиков в актерских домах?...); после смерти Эфроса о Качалове пишут лучшие театроведы своих поколений — Павел Марков и Ви- талий Виленкин; не имеет анало- гов и объемная монография Нико- лая Чушкина, посвященная одной роли: «Гамлет — Качалов».

Войдя в состав труппы Художе- ственного театра и меньше чем за 50 лет сыграв более 50 ролей. Качалов почти не играл эпизодов; ча- ще всего играл главные роли и очень часто заглавные — Цезарь, Гамлет, Иванов, Бранд, Анатэма и пр. В начале 30-х годов, когда предполагалось, что он сыграет что-то вроде ведущего в первоначальном булгаковском варианте инсценировки «Мертвых душ», Качалов писал знакомому: «Моя роль называется «Первый в спек- такле». Именно эту роль, в сущно- сти, и играл Качалов в Художест- венном театре примерно с 1906 по 1915 год, в лучшие годы театра и в лучшие годы России в двадцатом веке, в десятилетиях, в свое время позорно названном позорным. Но даже в этом десятилетии отметим три-четыре сезона, сделавшие Качалова Качаловым: 1908–1909 — Карено, 1909–1910 — Анатэма, Глумов; 1910–1911 — Иван Кара- мзов, Пер Баст; 1911–1912 — Ка- ренин, Гамлет. Это — кульмина- ция, вершина актерского пути Качалова. Но это и вершина русской культуры XX века, Золотого века, почему-то считающегося Серебря- ным. В исполненной знаменами России Качалов стал ее знаменем, явив невиданный доселе сплав «ге- роя-любownika» и «интеллигента и очка». Гибель этой России, пред- лисловием к которой стало убий- ство Столыпина, пришедшее на год качаловского «Гамлета», при- вела и к постепенной гибели куль- туры, театра и его Первого актера, несмотря на достойные восхище- ния попытки возродить или сохра- нить театр или культуру в целом в 20–30-е годы. Тем театром, каким был МХТ в свое царственное деся- тилетие, он уже не мог быть, начи- нать не с 30-х, как это принято си- чить, а с прямо с 25-го. Театр, нико- гда не праздновавший юбилей До- ма Романовых, вынужден отметить 10-летие Октября «Бронепоездом 14-69» Всеволода Иванова — стоит

упрощать ситуацию другим ее ре- шением вроде «они не знали» или «они верили»...

Мой отец вспоминал, как в конце 30-х годов, зайдя к Качало- ву, он застал его за сбором посы- лки репрессированному артисту Художественного театра Юрию Кольцову, причем Качалов ска- зал: «Его в «ежовщину» законопа- тили»... «Ежовщина» и «законо- патили» говорят о том, что Кача- лов прекрасно понимал, чем от- личаются репрессии большевиков (и, главное, их мотивирован- ность) от репрессий царского правительства против Баумана, которому Качаловы в свое время тоже помогали. А в 1941 году, по- сле начала войны, Качалов про- щитировал сыну карамазовское: «Один гад светит другую гадину»; стало быть, то, что представляет собой «гад», прекрасно понимали и те, кому суждено было стать од- ним из первых лауреатов премии имени Гада. Этим объясняется, хотя, разумеется, и не исчерпыва- ется, переход Качалова в 20-е и главным образом в 30-е годы на эстраду, в концерты, где его срав- нивали по масштабам и результа- там с Шаляпиным (подобно тому, как на сцене его сопоставляли с Ермоловой, Ленским, Комиссар- жевской). Эстрада пленила его возможностью вырваться из за- данного контекста репертуара, партнеров, режиссера к самостоя- тельному творчеству — от Пушки- на до «Рождественской звезды» Пастернака, потрясшей Качалова незадолго до кончины возможно- стью создания нового жанра, по- добного роли «От автора» в «Вос- кресении» и, наконец, возможно- стью продолжения общения со зрителем (к тому же еще и тира- жированного радиоконцертами Качалова), как ни говори, сильно сократившейся в 30-е годы в свя- зи с почти полным отсутствием новых ролей, и тем более в 40-е, когда Качалову не пришлось ни разу выйти на сцену в премьерях. Тонны однотомников советских поэтов 30–40-х годов с автографами и без в библиотеке Качалова — следы поисков расширения кон- цертного репертуара и одновре- менно результат концертной дея- тельности.

Кстати, о ролях. О том, что с ни- ми Качалову повезло, как никому в Художественном театре, сказано немало. Но было бы несправедли- во не отметить и прямо противо- положные факты. Доведенные до генеральной репетиции и не сыг- ранные по разным причинам «Прометей» Эсхила и «Борис Го- дунов» Пушкина (с неслыханным за всю историю пьесы составом).

ду, когда Качалов находился в зе- ните славы, в двух шагах от собст- венных вершин, Станиславский записал: «Качалов стареет» — о тридцатичетырехлетнем... (К сло- ву, Станиславский и сам пережил подобное, примерно с 1904 года уступив ведущее положение Кача- лову, что отметил и сам, а однажды даже так: прочитав в одной из ре- цензий имя Качалова впереди, а себя вторым, Станиславский запи- сал: «И какая-то гадость в душе за- шевелилась» — видимо, ни один худ- ожник, спортсмен или политиче- ский деятель не может увидеть се- бя вторым равнодушно, но только Станиславский осознает почувст- вованное им как «гадость») С сере- дины 20-х годов за пятидесятилет- ным Качаловым и его сверстника- ми укрепилась кличка старики, с неизбежностью вынуждая их к «почету» и необходимости усту- пать «дорогу» молодым (при том что опять-таки Станиславский за- писывает: «Баталов и Хмелев — нельзя же их сравнить с Качало- вом»)...

О личной драме Качалова — не- удачной операции, сделанной его жене, актрисе Художественного театра Нине Литовцевой и превра- тившей ее навсегда в калеку, — рассказал Вадим Шверубович в уже упоминавшихся воспомина- ниях. Драматизм семейной жизни Качалова в период его наибольше- го успеха не только у зрителей, но и у зрительниц и партнерш (Софья Гиацинтова рассказывала мне об особой, неотразимой мужской силе Качалова в роли Пер Баста («У жизни в лапах», 1911 год), где она играла эпизодик. Об этом же неза-долго до смерти говорила мне Фа- нина Раневская) отразился в его дневнике, сожженном согласно его воле после смерти сыном — оба принадлежали к поколениям, знавшим, что такое тайна испове- ди и даже исповедь как Таинство, и не дожившим до эпохи «эксклю- зивных интервью»...

...В его комнате на Никологор- ской даче — маленький музейчик; на могиле — береза, посаженная сыном, вымахала в размер стен Новодевичьего монастыря; за го- ды, прошедшие со дня его кончи- ны, 30 сентября 1948 года, добави- лись еще три имени — жены, сына и жены сына, балерины Елены Дмираш. Неподалеку свежеебрана могила Софьи Пилявской, столько раз бывавшей в его доме, жившей на его даче...

А в начале 2000 года в квартиру потомков Качалова позвонила преподавательница Вильнюсской гимназии, продававшей носить имя Качалова, уехавшего из Виль- нюса более ста лет назад...